

Studia Interkulturowe Europy Środkowo-Wschodniej 13
ISSN 1898-4215; e-ISSN 2544-3143
Creative Commons: Uznanie Autorstwa (CC BY) 3.0 Polska
<http://creativecommons.org/licenses/by/3.0/pl/>
DOI: <https://doi.org/10.32346/2544-3135.si.2020-13.4>

Walentina Ostroga

Belarusian State Technological University

ostroga@belstu.by

ORCID: 0000-0002-2354-193X

ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ И КАДРОВАЯ ПОЛИТИКА ЦАРИЗМА В БЕЛАРУСИ В 1860-Е ГГ.

Educational and Personnel Policy of Tsarism in Belarus in the 1860s

Abstract

The article notes that the duality, inconsistency, and reactionarity of the educational policy of the tsarist government after the uprising of 1863–1864 was largely dictated by the desire to reduce Polish influence and accelerate the russification of the region. The Ministry of Public Education did not care so much about the dissemination of education as about protecting the public with “reasonable restrictions”. In accordance with its political and ideological goals, the network of parish schools expanded, the training of teaching staff was restrained, and strict control was established over the activities of teachers and their political trustworthiness. Tsarism formed a model of an “ideal” teacher: devoted to the church and the throne, tolerant, imperceptible, and obedient, who in his pedagogical activity was to follow the official course. There was a tendency

to attract people from the central provinces of Russia who graduated from theological seminaries, as well as Orthodox priests, to fulfill teaching duties.

Keywords: educational policy, educational institution, teacher, secret schools, personnel issue, political security, elementary public school

После присоединения белорусских земель к Российской империи царское правительство проводит объединительную политику, направленную на их слияние с центральными российскими губерниями. Важным рычагом в осуществлении этих целей являлась система народного образования. Представители официальной идеологии (А. Белецкий, П. Ширинский-Шихматов, И. Корнилов, А. Миловидов, С. Рождественский и др.) были убеждены в том, что сфера просвещения должна стать фактором стабильности и незыблемости уже сложившихся порядков, гарантом существовавших политических и социальных отношений.

Монопольное право на получение высшего и среднего образования было оставлено представителям привилегированных слоев общества. Для народных масс создавались народные училища и церковные школы, которые наряду с предоставлением элементарных знаний играли важную функцию религиозно-монархического воспитания.

Первые русские школы появились в Беларуси еще при Екатерине II, которая смотрела на Беларусь как на исконно русскую землю и понимала, что для «духовного объединения» с Россией необходима именно русская школа. Поэтому созданные здесь училища практически ничем не отличались от существовавших в центральных губерниях¹. Характеризуя ситуацию в Северо-Западном крае в начале XIX в., А. И. Миловидов отмечал, что первый попечитель Виленского учебного округа «князь А. Чарторийский при помощи своих сподвижников раскинул густую сеть школ, в которых польскому чувству был дан полный простор для развития»². Поэтому «школа края начала служить целям не просветитель-

¹ А. Beletsky, *Zaboty Imperatritsy Yekateriny II o rasprostraneniі obrazovaniya v Polotskoy i Mogilovskoy guberniyakh*, Vilna 1905, s. 16.

² А. И. Milovidov, *Uchastiye molodezhi Severo-Zapadnogo kraya v myatyzhe 1863 goda i vyzvannaya im reforma mestnykh uchebnykh zavedeniy (po arkhivnym materialam)*, Vilna 1904, s. 5.

ным, а прежде всего политическим и сделалась очагом революционного движения»³, а руководителем последнего был Виленский университет, ежегодно выпускавший «пропитанных полонизмом и фанатизированных учителей и дававший соответствующее направление зависившим от него учебным заведениям»⁴. После восстания 1830–1831 гг. был закрыт Виленский университет, а его выпускники лишались права работать в местных школах. Во всех светских учебных заведениях было настоятельно рекомендовано перейти к преподаванию всех предметов на русском языке.

В этот период определенную роль в распространении первоначальных знаний играли волостные училища, которые открывались при волостных правлениях губерний. Учителя назначались вице-губернатором из числа тех, кто окончил уездные училища и проявил склонность к обучению и воспитанию детей.

Накануне школьной реформы 1860-х гг. в Беларуси действовало 576 учебных заведений всех типов: 12 средних, 45 неполных средних, 45 частных и государственных женских училищ, 21 духовное училище и 453 начальные школы. Во всех школах обучалось около 17 тыс. человек⁵. Вопрос обеспечения учебных заведений профессионально подготовленными кадрами оставался открытым: система педагогической подготовки в специально созданных учреждениях отсутствовала.

Попечитель Виленского учебного округа П. Ширинский-Шихматов в записке министру народного просвещения Е. В. Путятину (1861 г.) отмечал, что

интересы России в здешнем крае так велики, что расходы, хотя бы и значительные, соединенные с различными мерами, имеющими целью его поддержание, не должны служить тому преградой. Здесь следует воскресить древнюю, коренную русскую народность, подавленную долголетним гнетом пришлого польского населения⁶,

³ Ibidem.

⁴ Ibidem, s. 4.

⁵ *Gistorya Byelarusi: u w ch. Ch 2. Ad starazhytnykh chasou – pa lyuty 1917 g.: padručnik*, red. T. K. Novik, G. S. Martsul, Minsk 2007, s. 283.

⁶ I. Kornilov, *Russkoye delo v Severo-Zapadkom kraye. Materyaly po istorii Vilenskogo uchebnogo okruga v Murav'yevskuyu epokhu. Vyp. 1*, Sankt Peterburg 1908, s. 11–12.

«следует ослабить и устранить влияние польской национальности, стремящейся заглушить в народе родное ему русское начало»⁷. Попечитель подчеркивал, что Виленский учебный округ, по сравнению с другими округами империи, находится в особенном положении, которое определяется национальностью населения входящих в него губерний. В этих условиях чрезвычайно важным стал вопрос языка, на котором должна быть преподаваться грамота. Он считал, что в губерниях Виленской, Гродненской и Минской, где «большая часть населения говорит наречием белорусским», народные училища должны быть чисто русскими⁸. В 1860-е гг. доля государства в финансировании сельских училищ примерно равнялась 90%. Это позволило создать в Северо-Западном крае сеть начальных учебных заведений, которые подчинялись непосредственно Министерству народного просвещения. Но росло также и число общественных школ, которые в условиях отсутствия земских учреждений открывали и содержали сами крестьянские общины.

Генерал-губернатор М. Н. Муравьев считал необходимым в первую очередь открыть в каждой волости по одной или две школы с преподаванием на русском языке, причем все сельские школы подчинить ведению Министерства народного просвещения. Для обеспечения этих учебных заведений необходимыми кадрами он предлагал создавать учительские семинарии (первая из них была открыта в Молодечно в 1864 г.), а также предоставлять право обучения православным приходским священникам (по соглашению с Духовным ведомством), учащимся Литовской и Минской семинарий. М. Н. Муравьев отмечал, что открытию училищ в Виленской и Минской губернии больше всего противодействовало римско-католическое духовенство, то необходимо «совершенно отнять у этого духовенства [...] всякое участие в деле народного образования»⁹, предоставив ему право преподавать «только Закон Божий детям своих прихожан и преподавание это установить на местном белорусском наречии»¹⁰. Параллельно советовал распространять между сельским населением в большом количестве русские буквари, молитвенники,

⁷ Ibidem, s. 12.

⁸ Ibidem, s. 1–3.

⁹ А. В. Beletsky, *Sororoletsiye russkoy nachalnoy shkoly v Severo-Zapadnom kraye Rossii*, Vilno 1904, s. 52–53.

¹⁰ Ibidem, s. 53.

Евангелие, раздавая эти книжки желающим бесплатно¹¹. Витебскому, минскому и моголевскому губернаторам, а также «местным полицейским властям»¹² про распоряжению министерства народного просвещения надлежало «обратить особое внимание [...] на недопущение в среде сельского населения неизвестных торговцев книгами»¹³ и разрешать «лишь лицам, которые будут иметь не только паспорта и свидетельства на право торговли, но и удостоверения о своей благонадежности в политическом отношении»¹⁴.

Количество сельских школ значительно увеличилось в период с 1861 по 1863 г. Сознывая всю важность «учреждения сельских школ в Западном крае в духе русской народности»¹⁵, князь Ширинский-Шихматов в январе 1861 г. лично доложил императору Александру II о печальном положении в здешнем крае русских начальных школ и о настоятельной необходимости их организации под эгидой правительства. Согласно Высочайшему повелению, в скором времени в распоряжение попечителя округа на эти нужды была ассигнована сумма в размере 10000 руб. В 1863 г. уже работали 153 школы. Но новая школа была встречена «крайне несочувственно» со стороны поместного польского дворянства и римско-католического духовенства. Например, в Слонимском и Брестском уездах Гродненской губернии имели место случаи активного сопротивления обучению на русском языке: мировые посредники и волостные старшины при поддержке местного населения и католического духовенства закрывали училища, а классную мебель и учебники выбрасывали на улицу¹⁶.

Вакантные места в средних учебных заведениях заполнялись преимущественно воспитанниками российских духовных академий, которые направлялись в Беларусь преимущественно из центральных губерний

¹¹ Ibidem, s. 52–53.

¹² Litovsky gosudarstvennyy arkhiv (LGIA), F. 568, op. 1, d. 105.

¹³ Ibidem.

¹⁴ Ibidem.

¹⁵ M. N. Murav'ev, *Sbornik rasporyazhenij grafa Mihaila Nikolaevicha Murav'eva po usmi-reniyu pol'skogo myatezha v severo-zapadnyh guberniyah, 1863–1864*, sost. N. Cilov, Vi'na 1866, s. 225.

¹⁶ L. M. Solonevich, *Kratky istorichesky ocherk Grodnenskoj gubernii za sto let yeyo sushchestvovaniya, 1802–1902*, Grodno 1901, s. 84–85.

России. П. Ширинский-Шихматов подчеркивал необходимость строгого контроля за открытием учебных заведений, увеличения числа русских преподавателей и сокращения числа средних школ. По его мнению, учителя должны были пользоваться правами государственной службы, могли получать чины и представляться к наградам. «Учащим» внушалось, что учебное начальство смотрит на их не как на обычных учителей русской грамоты, но как на самых активных проводников русских идей, русского образования в народе»¹⁷. А. В. Белецкий был уверен, что «учителя-поляки, особенно при тогдашнем настроении польского общества в крае, не могли не поддерживать в школе польского языка, польских воззрений, польского духа»¹⁸.

Ширинский-Шихматов считал, что «с усилением русского элемента в педагогическом сословии» облегчится для округа выбор инспекторов и директоров гимназий. Назначение же на высшие должности «туземцев» должно быть допустимо «с крайней осторожностью». Несмотря на то, что среди учителей-поляков можно было найти много способных и знающих людей, готовых заниматься, в том числе, и административной работой, тем не менее, как подчеркивал попечитель округа, «предоставление им управления каким-либо учебным заведением ведет к непременному ослаблению в нем русского влияния»¹⁹.

Новый попечитель округа И. Корнилов отмечал,

чтобы показать, до какой степени край был ополячен, достаточно сказать, что даже теперь в наших гимназиях и прогимназиях на 240 учителей только 80 русских и немцев; в семи уездных училищах процент польских учителей такой же, а в приходских училищах почти все учителя – поляки²⁰.

На 1 января 1864 г. из 114 учителей, служивших в приходских училищах, 91 человек по национальности был поляком. Передовая общественность понимала, почему после восстания 1863–1864 гг. был поднят вопрос о народном образовании как о лучшем средстве для противодействия «польским начинаниям», почему были «привлечены

¹⁷ А. В. Beletsky, *Sororoletsiye russkoy nachalnoy shkoly...*, op. cit., s. 21.

¹⁸ *Ibidem*, s. 6, 21.

¹⁹ I. Kornilov, op. cit., s. 13.

²⁰ *Ibidem*, s. 39.

для занятия учительских должностей лучшие русские силы с увольнением поляков»²¹. И. П. Корнилов в записке М. Н. Муравьеву «О замене польских учителей русскими»²² (12 июля 1864 г.) указывал, что учителями из России должны быть заменены в первую очередь все преподавательские места в гимназиях, прогимназиях и трехклассных уездных училищах, ибо «ежедневный опыт убеждает, что достаточно присутствия одного учителя-поляка, чтобы лишить педсоветы всякой силы и препятствовать взаимному доверию и обмену мнениями»²³. М. Муравьев также одобрил решение не допускать лиц польского происхождения до экзамена на звание приходских и уездных учителей, а также домашних наставниц и учительниц.

Для замещения учительских должностей в гимназиях и прогимназиях лицами русскими и православными были учреждены в Московском, Казанском и Харьковском университетах 60 стипендий на историко-филологических и физико-математических факультетах. Сверх того, с 1864 г. ассигновано было «50000 руб. на производство служащим по учебной части лицам русского происхождения добавочного жалования в размере половинных окладов»²⁴. По ходатайству начальника края оклады русских учителей были увеличены на 50% (обычный оклад в гимназии равнялся 600 руб., а в Вильне 650 руб.), а при определении на службу они получали двойные прогоны и не в зачет полугодовой оклад жалования. Учителям, кроме того, полагались квартирные деньги в размере от 40 до 60 руб. И. Корнилов отмечал:

мы нуждаемся в учителях на все кафедры и во все гимназии, так как положение польских учителей, даже лучших, в здешних учебных заведениях оказывается фальшивым и неудобным для воспитательной цели, и желательно их заменить русскими²⁵.

²¹ *Belorussiya i Litva. Istoricheskie sud'by Severo-Zapadnogo kraya*, N. I. Petrov, N. I. Miloshevskij, M. I. Gorodeckij i dr. SPb: tip. tov., «Obshchestvennaya pol'za» 1890, s. 372.

²² I. Kornilov, op. cit., s. 48–52.

²³ *Ibidem*, s. 82.

²⁴ S. V. Rozhdstvensky, *Istorichesky obzor deyatelnosti Ministerstva Narodnogo Prosvyashcheniya. 1802–1902*, Sankt Peterburg 1902, s. 466.

²⁵ I. Kornilov, op. cit., s. 40.

Из наиболее способных и знающих людей «чисто-русского происхождения» через «усиление содержания» в этом только крае предлагалось рекрутировать инспекторов и директоров гимназий, чиновников дирекций народных училищ и служащих Виленского учебного округа²⁶.

Учителей из местных жителей, которые были бы благонадежными и хорошо знали русский язык, в 1863–1864 гг. было совсем мало. Виленский генерал-губернатор М. Муравьев старался помочь в приглашении окончивших и не окончивших духовные семинарии из центральных губерний на учительские должности. Но желающих было мало. Многие считали, что «этот элемент только путем силы мог осесть для работы среди крестьян»²⁷. Критиковал такой подход и известный педагог В. Золотов, который посетил ряд училищ Могилевской губернии. Он назвал это дело «непрактичным» по нескольким причинам и писал, что недостаточно даже отлично окончить семинарский курс, чтобы взять на себя «такие чрезвычайно важные обязанности без предварительной подготовки»²⁸. Правда, хорошо подготовленный педагог, но незнакомый с местным говором, мог встретить препятствия в преподавании. В. Золотов задавался вопросом:

Каким же будет положение человека еще без практики в жизни, оторванного от родного места и заброшенного на одиночество в край, совсем для его новый, в круг людей, с которыми на первых порах тяжело будет даже объясниться?²⁹

На этого учителя местные жители могли смотреть даже с некоторым враждебным недоверием. «На такое добровольное изгнание может заставить или страшная бедность, или искренне миссионерское увлечение делом»³⁰. Но кадровый правительственный курс оставался неизменным. Как отмечал А. Миловидов, «в видах исходатайственной Муравьевым

²⁶ Ibidem, s. 39.

²⁷ Y. Gros'ka, *Nekatorya momanty z darevalutsyynaye as'vety na terytoryi suchasnaye Magilyoushchynе*, «Polymya» 1926, nr 1, s. 132.

²⁸ V. Zolotov, *Zapiska o selskoy gramotnosti v mogilovskoy gubernii*, Sankt Peterburg 1864, s. 8.

²⁹ Ibidem.

³⁰ Ibidem.

50% прибавки и выдаваемых по его же распоряжению, двойным прогонам и полугодичным окладом, на 80 вакансий поляков-учителей летом 1864 г. было подано 360 прошений русских учителей»³¹, что давало возможность попечителю сделать выбор по своему усмотрению. Новый учебный год начался уже при обновленном составе учительского персонала, и эта мера имела «благотворное влияние». Выходцы из России в основном получали свое назначение в городские учебные заведения. Рекрутирование учителей из Центральной России для учебных заведений Виленского учебного округа продолжалось примерно до середины 1870-х гг. Параллельно для работы в начальные народные училища и церковно-приходские школы активно привлекались выпускники православных семинарий Беларуси, а также представители местного православного духовенства.

Параллельно шла разработка проектов уставов и положений общеобразовательных учебных заведений. Проведение школьной реформы в Беларуси с некоторыми особенностями было обусловлено крестьянским движением и восстанием 1863–1864 гг. Утвержденное 14 июня 1864 г. «Положение о начальных народных училищах» на белорусские земли не распространялось³². Еще раньше, 23 марта 1863 г., приняты «Временные правила для народных школ в губерниях: Виленской, Ковенской, Гродненской, Минской, Могилевской и Витебской»³³, которые действовали до конца XIX в. До конца 1866 г. каждая губерния Виленского учебного округа имела свою дирекцию, которая заведовала всеми начальными народными школами на ее территории. Позже в качестве дополнений принимались и иные постановления и указы с целью усиления контроля со стороны правительства над училищами и их учителями. Школа все это время продолжала использоваться как средство русификации края и борьбы с «полонизмом».

В секретных документах того времени (записках, распоряжениях и т. д.) подчеркивалось, что

³¹ A. I. Milovidov, op. cit., s. 24–25.

³² Sbornik postanovlenij po Ministerstvu narodnogo prosveshcheniya. SPb.: tip. V. S. Balasheva, 1876, T. 3, s. 1342–1350.

³³ *Vremennyye pravila dlya narodnykh shkol v gubernyakh: Vilenskoj, Kovenskoj, Grodnenskoj, Minskoj, Mogulyovskoj i Vitebskoj*, [v:] *Tsirkulyar po upravleniyu Vilenskim uchebnym okrugom za 1867 g.*, Vil'no 1967, s. 1–4.

когда политические события шестидесятых годов выдвинули на первый план вопрос о безусловной необходимости слияния Северо-Западного края с Россией, чтобы раз-навсегда положить конец политической и религиозной смуте в этом многострадальном крае и тем обеспечить ему условия постепенного правильного развития на почве коренных исторических начал [...] и выдвинуть на первый план вопрос о воспитании³⁴.

После подавления восстания 1863–1864 гг. в Беларуси началась продолжительная полоса политической реакции, которая сопровождалась в целях предупреждения в будущем подобных революционных выступлений установлением исключительных законов. Осуществляя школьную реформу 1860-х гг., царское правительство взяло курс на русификацию края. В сфере народного образования это выразилось в первую очередь в закрытии единственного на то время высшего учебного заведения Беларуси Гори-Горецкого земледельческого института, в полицейском и инспекторском контроле над средней и начальной школой. Учебное начальство обвинило также местные гимназии и прогимназии в том, что они воспитывали своих подопечных «в польском духе», в ненависти ко всему русскому, включая органы власти. В октябре 1863 г. был закрыт Виленский дворянский институт. Участие молодежи в восстании стало поводом для закрытия по политическим соображениям «наиболее удаленных от правительственного надзора и находящихся среди фанатизированного населения» Новогрудской, Кейданской, Поневежской гимназий, а также Тельшевской и Свислочской прогимназий³⁵.

В течение 1863 г. за неодобрительное поведение и неявку из отпуска из Мозырской гимназии был исключен 51 ученик. Управление округа распоряжением от 9 марта поставило в известность директора, что в случае возникновения беспорядков в гимназии, она будет закрыта. В отчетах о состоянии гимназии за 1963 г. говорилось, что благодаря энергичным мерам директора Шульгина революционное «движение среди учеников было подавлено, ученики удержаны от ухода в лес»³⁶, что имело место 19 апреля в других учебных заведениях города, и «ныне

³⁴ LGIA, F. 576, op. 1, d. 120, s. 1.

³⁵ A. I. Milovidov, op. cit., s. 30.

³⁶ *Istoricheskaya zapiska o Mazyrskoy progimnazii*, sost. K. Shpakovsky, Mazyr' 1909, s. 126.

воспитанники ведут себя чинно, хотя, быть может, по наружности, так как вопрос о партиях русской и польской поставлен в Мозырской гимназии чрезвычайно резко»³⁷. Квартиросодержатели обязаны были следить за поведением живущих у них учеников и доводить до сведения начальства о фактах нелегальных собраний и политических манифестаций (за неисполнение такого обязательства им грозил штраф в размере 50 руб. за каждого живущего в квартире ученика). От родителей также была взята подписка, что их дети не будут выходить из дому после 7 часов вечера и во время нахождения на улице в обязательном порядке будут носить форменную одежду. За участие их детей в политических волнениях предусматривался штраф от 100 до 200 руб.³⁸

Исходя из того, что гимназии, прогимназии и трехклассные училища «доселе служили средством пропаганды в крае, и что умножение их произошло под влиянием шляхты, стремившейся видеть своих детей чиновниками»³⁹, М. Муравьев предложил гимназии оставить только в губернских городах, где, с одной стороны, проживало значительное количество русского населения, и, с другой, существовала возможность тщательного контроля за осуществлением всего учебно-воспитательного процесса. Что же касается уездных городов, то средние учебные заведения могли продолжить свою деятельность только в исключительных случаях (например, местное население преимущественно было православного вероисповедания). Средства, которые оставались после закрытия гимназий и трехклассных училищ, он советовал направить на учебные заведения по подготовке русских народных учителей, на открытие женских гимназий и на увеличение сельских училищ для народных масс⁴⁰.

Следующим направлением образовательной политики стало ограничение приема в гимназии, прогимназии и реальные училища детей «польской шляхты», несмотря на то, что школьная реформа 1860-х гг. объявляла о всеобщности обучения, отменяя различные ограничения для всех типов учебных заведений. В результате с 1862 г. по 1 января 1866 г. число учеников православного вероисповедания в гимназиях увеличилось на 33%, а католического вероисповедания уменьшилось

³⁷ Ibidem.

³⁸ Ibidem, s. 126–127.

³⁹ A. I. Milovidov, op. cit., s. 29.

⁴⁰ Ibidem.

на 56%. Муравьев предлагал также ограничить прием в высшие учебные заведения выходцев из западных губерний до 10% от числа всех студентов с тем, чтобы обезопасить университеты России от влияния поляков – деятелей польского национально-освободительного движения⁴¹.

В официальных документах подчеркивалось, что «главным орудием польской пропаганды был польский язык», причем пропагандисты «ухитрились сделать польский язык даже духовною потребностью народа» и его убедить, что «весь здешний народ принадлежит к польской нации». В циркуляре М. Муравьева «Об искоренении тайного преподавания польского языка в селах и деревнях» (1864 г.) говорилось, что языком преподавания должен быть русский, чтобы учителя школ «были из русских уроженцев вместо бывших туземцев, уволенных и удаленных от должностей»⁴². В учебных заведениях ученикам запрещалось разговаривать между собой, с учителями и чиновниками учебного ведомства на местном языке. Подчеркивалось, что кроме православного духовенства никто не должен заниматься обучением крестьян без предварительного на то разрешения от дирекций народных училищ. Генерал-губернатор выступил против распространения польских букварей и книг, которые настраивали народ против правительства. Циркуляр также предусматривал накладывать на учителей «тайных школ» штраф в размере 100 руб., а затем «брать их под арест для дальнейших распоряжений»⁴³.

Вместе с тем, новые школы и их учителя в ряде случаев были враждебно встречены помещичьим польским дворянством и римско-католическим духовенством. Крестьян пугали, например, что русской грамоте учат лишь с той целью, чтобы сослать мальчиков в Сибирь или забрать в солдаты, а девочек трудоустроить в Москву на фабрики. Многие ксендзы грозили своим прихожанам лишением причастия. Для борьбы с тайным обучением правительство привлекало и сельских учителей, которые должны были сообщать училищному совету о существовании неразрешенных школ⁴⁴. Но их количество увеличивалось. Это было одной из форм сопротивления русификаторской политике царизма.

⁴¹ S. M. Sambuk, *Polityka tsarizma v Belorussii vo vtoroy polovine XIX veka*, Minsk 1980, s. 37.

⁴² I. Kornilov, op. cit., s. 52.

⁴³ Ibidem, s. 51–53.

⁴⁴ LGIA, F. 568, op. 1, d. 105, op. cit.

«Тайные школы» были в основном двух типов: русско-белорусские и польские. Установить их численность и количество работавших в них учителей тяжело, поскольку в архивах сохранились сведения только о выявленных школах.

Чиновники и служащие польского происхождения повсеместно заменялись русскими, причем при аттестации первых надлежало указать, «не считает ли директор в случае их увольнения от службы, их дальнейшее пребывание в городах, где они состояли преподавателями, вредным для воспитания юношества»⁴⁵. Так, 19 июня 1864 г. попечитель в частном письме директору Гродненской гимназии аккуратно рекомендовал «предложить гг. Гедройцю и Белявскому подать прошения об увольнении от должностей. Они давно уже состоят на службе и могут оставить ее с почетом»⁴⁶. Затем 18 июля был уволен учитель французского языка Ю. Корейво (ему было предоставлено место сверхштатного учителя в Костромской гимназии) и старший учитель латинского языка А. Гинтовт (ему была предложена учительская должность в Привисленском крае). Следует заметить, что эти преподаватели еще не выслужили права на пенсию, но получили в единовременное пособие годовой оклад. Еще раньше, 20 марта, попечитель уволил из гимназии учителя польского языка Новаковского «как подстрекателя учеников» к беспорядкам. Чтобы пресечь всякие «мятежнические проявления», по просьбе директора Шевелева ежедневно в здании гимназии с 8 часов утра и до 15 часов присутствовали 1 офицер и 10 унтер-офицера. «Замешанные в беспорядках ученики» были уволены без права поступления в другие заведения Виленского учебного округа⁴⁷. В одной только Гродненской губернии из средних учебных заведений без права восстановления исключили 90 учащихся.

Восстание 1863 г. повлияло на изменение в личном составе служащих в Могилевской гимназии. 25 мая в административном порядке был выслан в г. Оренбург ксендз Швыковский – законоучитель гимназии. В июле старший учитель математики Довнар, который одно время исполнял обязанности инспектора, был переведен в 3-ю С.-Петербургскую

⁴⁵ *Istoričeskij očerok Grodnenskoj gimnazii*, sost. Y. F. Orlovsky, Grodno 1901, s. 71.

⁴⁶ *Ibidem*.

⁴⁷ *Ibidem*, s. 65, 71.

гимназию. Почетный попечитель князь Любомирский нигде в отчетах за 1863 г. не упоминается, вероятнее всего, он оставил свою должность в конце 1862 г., после «ярого заступничества за учеников, попавшихся в беспорядках»⁴⁸, так как сам был заподозрен «в сочувствии к начавшемуся волнению»⁴⁹. Комнатный надзиратель Благородного пансиона Ю. Казакевич также был отстранен от должности. Примечательно, что «все эти лица были католического вероисповедания»⁵⁰. Вместе с тем, на количестве учеников Могилевской гимназии «мятеж» не отразился⁵¹.

Серьезные кадровые перестановки были произведены и в Слуцкой гимназии. В докладных записках, которые направлялись в канцелярию Виленского учебного округ «по вопросу о настроениях учащих и учащихся во время политических беспорядков»⁵², директор Богушевский свидетельствовал, что «в среде учителей здешнего происхождения и учащихся заметно было заразительное влияние общества»⁵³. Инспектора Ижицкого-Германа и учителей Вагнера, Нерлиха, Гронтковского, Главацкого и надзирателя Речинского (лиц реформаторского и римско-католического исповеданий) он характеризовал так:

люди способные, усердные, добросовестные и, при своей исполнительности по службе, обладают обильными средствами педагогической деятельности [...] но при нынешнем неизбежно необходимом направлении учебных заведений к развитию в них начал чисто русских – оставаться им наставниками гимназии совершенно немыслимо. Между тем, в других учебных округах ими можно дорожить как дельными педагогами⁵⁴.

В скором времени инспектор гимназии Герман был арестован «по подозрению в подписке на революционной проповеди»⁵⁵, учителя

⁴⁸ М. Л. Sozonov, *Istoricheskaya zapiska Mogilovskoy muzhskoy gimnazii. 1809–1909*, Mogilov 1909, s. 141.

⁴⁹ Ibidem.

⁵⁰ Ibidem.

⁵¹ Ibidem.

⁵² I. A. Glebov, *Istoricheskaya zapiska o Slutskoj gimnazii*, Vilna 1903, s. 128.

⁵³ Ibidem.

⁵⁴ Ibidem.

⁵⁵ Ibidem.

математики Миладовского отправили на жительство в г. Томск, учитель географии Домбровский за самовольную отлучку был уволен со службы и сослан в Сибирь, даже штатный врач гимназии Францкевич был «депортирован в великорусские губернии»⁵⁶. Таким образом было решено «заменить настоящих преподавателей Слуцкой гимназии из местных уроженцев реформаторского и римско-католического исповеданий наставниками русского происхождения и подчинить эту гимназию общим правилам устройства учебных заведений края», то есть превратить прежнюю польско-реформаторскую гимназию в правительственную русскую и отдать в распоряжение Виленскому учебному округу⁵⁷.

Кадровая политика была взята под особый контроль и в женских средних учебных заведениях. М. Н. Муравьев был убежден, что женские гимназии Западного края «сделались совершенно польскими училищами, где преобладает над всеми предметами польский язык, воспитанницы не умеют почти вовсе говорить по-русски, надзирательницы состоят из лиц польского происхождения, преданных душою польской политико-религиозной пропаганде»⁵⁸. Ненормальное положение края и политические смуты обнаружили, по словам генерал-губернатора, что «женщины и ксендзы были самыми главными и опасными двигателями всех мятежных покушений к ниспровержению власти правительства и законного порядка в крае»⁵⁹. Что же касалось изменений личного состава гимназий, то генерал-губернатор в силу данных ему чрезвычайных полномочий сделал распоряжение об увольнении от должности начальника Виленской женской гимназии поляка Калиновского, главной надзирательницы польки Богдановичевой и ее дочери Юзефы «как известных своим неблагонадежным направлением участием в бывших политических манифестациях»⁶⁰. В подобных случаях решение об увольнении и привлечении к ответственности принималось незамедлительно. На место Калиновского был временно назначен полковник генерального штаба Лебедев, а должность главной надзирательницы получила

⁵⁶ Ibidem.

⁵⁷ Ibidem.

⁵⁸ G. Y. Kipryanovich, *K istorii zhenskogo obrazovaniya v Zapadnoy Rossii*, Vilna 1910, s. 22.

⁵⁹ Ibidem.

⁶⁰ Ibidem.

О. П. Военская – дочь помещика Саратовской губернии, которая выдержала экзамен на звание домашней учительницы французского языка при Петербургском университете⁶¹.

Таким образом, школа западных губерний в первой половине 1860-х гг. оставалась орудием политической борьбы. Правительственная политика в сфере образования отличалась двойственностью, непоследовательностью и большей реакционностью по сравнению с другими губерниями Российской империи. В руках царизма образование являлось средством социального регулирования и контроля. Официально считалось, что меры, принятые генерал-губернатором М. Н. Муравьевым «для пресечения деятельности польско-католической пропаганды и подавления вооруженного мятежа»⁶² были достаточно успешны, и что к декабрю 1863 г. Северо-Западный край «был совершенно усмирён»⁶³. Во всех сферах общественной жизни, включая образование, велось целенаправленное наступление на польскую культуру. Особое внимание было направлено на поддержание русской народности и православия. В этом русле царское правительство проводило жесткую кадровую политику, заменяя польских учителей русскими – непосредственными проводниками официальной идеологии в крае. Заметно сократилось число средних учебных заведений, а в оставшиеся преимущественно принимали детей православного вероисповедания. Запрещалось преподавание польского языка и на польском языке (в том числе и Закона Божьего). Одновременно принимались меры для пополнения ученических библиотек необходимым количеством книг на русском языке. Вся система образования и воспитания была пропитана монархическими идеями, в соответствующем направлении велось патриотическое и гражданское воспитание. Доминирование охранительной функции государства неизбежно вело к усилению дисциплины и контроля в ходе учебно-воспитательного процесса.

⁶¹ Ibidem.

⁶² I. A. Glebov, op. cit., s. 121.

⁶³ Ibidem.

References

- Beletsky A., *Zaboty Imperatritsy Yekateriny II o rasprostraneniі obrazovaniya v Polotskoy I Mogilovskoy guberniyakh*, Vilna 1905.
- Beletsky A. V., *Sororoletsye russkoy nachalnoy shkoly v Severo-Zapadnom kraye Rossii*, Vilns 1904.
- Belorussiya i Litva. Istoricheskie sud'by Severo-Zapadnogo kraya*, N. I. Petrov, N. I. Miloshevskij, M. I. Gorodeckij i dr. SPb: tip. tov., «Obshchestvennaya pol'za» 1890.
- Gistorya Byelarusi: u w ch. Ch 2. Ad starazhytnykh chasou – pa lyuty 1917 g.: padruchnik*, red. T. K. Novik, G. S. Martsul, Minsk 2007.
- Glebov I. A., *Istoricheskaya zapiska o Slutskoy gimnazii*, Vilna 1903.
- Istoricheskaya zapiska o Mozyrskoy progimnazii*, sost. K. Shpakovsky, Mozyr' 1909.
- Istoricheskij ocherk Grodnenskoj gimnazii*, sost. Y. F. Orlovsky, Grodno 1901.
- Kipryanovich G. Y., *K istorii zhenskogo obrazovaniya v Zapadkoy Rossii*, Vilna 1910.
- Kornilov I., *Russkoye delo v Severo-Zapadkom kraje. Materyaly po istorii Vilenskogo uchebnogo okruga v Muravyevskuyu epokhu. Vyp. I*, Sankt Peterburg 1908.
- Litovskiy gosudarstvennyy arkhiv, F. 568, op. 1, d. 105.
- Litovskiy gosudarstvennyy arkhiv, F. 576, op. 1, d. 120.
- Milovidov A. I., *Uchastiye molodezhi Severo-Zapadnogo kraya v myatyazhe 1863 goda i vyzvannaya im reforma mestnykh uchebnykh zavedeniy (po arkhivnym materyalam)*, Vilna 1904.
- Murav'ev M. N., *Sbornik rasporyazhenij grafa Mihaila Nikolaevicha Murav'eva po usmireniyu pol'skogo myatezha v severo-zapadnykh guberniyah, 1863–1864*, sost. N. Cilov, Vil'na 1866.
- Rozhdestvensky S. V., *Istorichesky obzor deyatelnosti Ministerstva Narodnogo Prosvyashcheniya. 1802–1902*, Sankt Peterburg 1902.
- Sambuk S. M., *Politika tsarizma v Belorussii vo vtoroy polovine XIX veka*, Minsk 1980.
- Sbornik postanovlenij po Ministerstvu narodnogo prosveshcheniya. SPb.: tip. V. S. Balasheva, 1876, T. 3.
- Solonevich L. M., *Kratky istorichesky ocherk Grodnenskoj gubernii za sto let yeyo sushchestvovaniya, 1802–1902*, Grodno 1901.
- Sozonov M. L., *Istoricheskaya zapiska Mogilovskoy muzhskoy gimnazii. 1809–1909*, Mogilov 1909.
- Tros'ka Y., *Nekatorya momanty z darevalutsyynaye as'vety na terytoryi suchasnaye Magilyoushchyne*, «Polymya» 1926, nr 1.

Vremennyye pravila dlya narodnykh shkol v gubernyakh: Vilenskoj, Kovenskoy, Grodnenskoj, Minskoy, Mogulyovskoy I Vitebskoj, [v:] Tsirkulyar po upravleniyu Vilenskim uchebnym okrugom za 1867 g., Vil'no 1967.

Zolotov V., *Zapiska o selskoj gramotnosti v mogilovskoy gubernii*, Sankt Peterburg 1864.